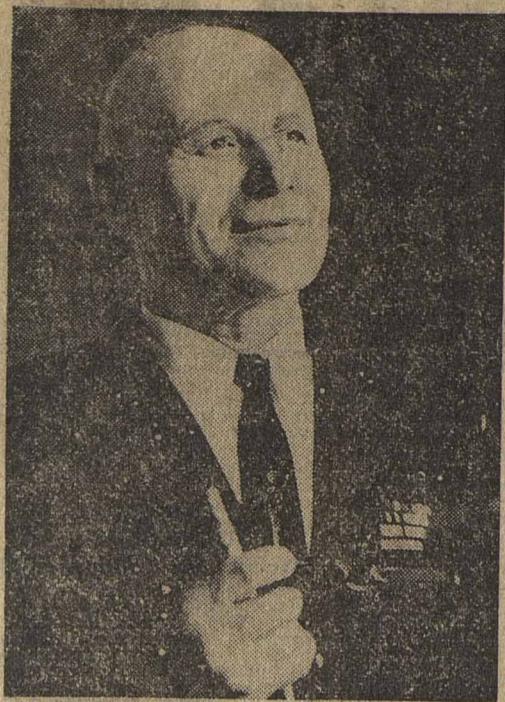

15 МАР 1981

В НОГУ С ВЕКОВОМ

(К 70-летию писателя Александра Лозневого)

Счастливая судьба человека, жизнь которого многими нитями связана с крупными событиями в истории государства.

За свои семьдесят лет Александр Никитович Лозневой изведал труд и рабочего в одном из первых совхозов на Белгородщине, и землекопа на строительстве тракторного завода в Харькове. Был токарем на строительстве Магнитки, потом — библиотекарем. Мастерок каменщика не выпадал у него из рук, и перо журналиста — тоже. Около двух десятилетий отдал он службе в Советской Армии, начал ее еще до войны.

И учеба складывалась по тем же этапам. Дома постиг грамоту и сразу пошел во второй класс школы в селе Большетроицком, где родился (бывшая Курская, ныне Белгородская область). Но и двух лет не проходил в ту школу... Позднее, уже в Харькове, был рабфак, а из Магнитки поступил заочно в Литературный институт имени А. М. Горького.

«Но главным своим университетом считаю войну», — так написал А. Н. Лозневой в автобиографии.

Так оно и было. Слово вступительный военный экзамен сдал он в Финской кампании, а с июля сорок первого — на фронте под Ленинградом, участвовал в обороне Кавказа. В сорок втором, в боях под Ворошиловградом был тяжело ранен... Через год на Курской дуге стал коммунистом. В партию был принят без прохождения кандидатского стажа, как отличившийся в боях.

Орел, родной Белгород, Харьков, Киев, Львов, Сандомир, Катовице, Одер... Тринадцать благодарностей Верховного главнокомандующего, и в них, как во фронтовом путеводителе, городами и операциями отмечены веки трудных солдатских дорог. В Берлин не попал — повернули на Прагу, и там, в лесах под Прагой, встретил день Победы.

Два ордена Красной Звезды, медали... Фронтовики хорошо знают, что такое пройти всю войну в должности командира взвода. Для него, как и для любого окопного солдата, смертное лихо не за горами ходило, а прямо в глаза смотрело. Изюм дня в день это испытание длилось, и надо иметь немалую силу духа, чтобы хватило ее на все четыре адовых, огненных года.

Хватило. Более того — под орденами и медалями, под пропотевшей солдатской гимнастеркой, под сердцем бережно пронес он через огонь завязь творческого начала.

Еще в Харькове судьба свела Александра Лозневого с известным уже тогда украинским писателем Остапом Вишней (Павел Михайлович Губенко), работавшим в редакции газеты Харьковского тракторного. Внимательно просмотрел Вишня немощные еще «вишни», увидел в них несусветную пометь русских и украинских просторечий, хитровато спросил:

— На каком языке писать будешь?
Узнав, что молодой человек мечтает писать на русском языке, Остап Вишня настойчиво посоветовал:

— Читай, хлопче, больше читай, а через год приходи...

Так уж случилось, что через год не встретились они, но совет старшего товарища был воспринят как программа самообразования. Правда, программа оказалась неконкретной, и понял ее Лозневой буквально: стал читать все подряд.

Любопытный факт. Только за 1932 год он прочел 264 книги. Об этом достоверно свидетельствует записная книжка тех лет, в которой перечислены не только названия произведений и их авторы, но и даны оценки прочитанным книгам. С восторгом читал он Сергея Есенина, и против его фамилии поставил три крестика. Это его наивысшая оценка автору. А вот «Пес-

не про купца Калашникова» и ее автору не «повезло» — нулевую оценку получила она у строителя Харьковского тракторного. Почему-то не понравился ему и «Мороз—Красный Нос» Н. А. Некрасова. Тут, видимо, не только образования не хватило и чутье подвело, но и время наложило свой отпечаток.

Поучительный разговор мог бы состояться у юноши с Остапом Вишней через год по списку прочитанных книг, но не состоялся. В октябре тридцать второго Харьковский тракторный завод был пущен, а в тридцать третьем А. Лозневой по комсомольской путевке прибыл на Магнитострой.

Летом как-то пришел на ЦХС, а там — митинг. Комсомольцы, молодые поэты читали свои стихи перед собравшимися строителями. Там впервые встретился с магнитогорскими поэтами Борисом Ручьевым, Михаилом Люгаринным. Они предложили А. Лозневному тут же, с трибуны митинга почитать стихи. Таким вот способом стихи начинающего литератора впервые дошли сразу до многих слушателей. Но прежде чем первое стихотворение попало в печать, прошел еще год. В 1935-ом, будучи уже призванным, А. Лозневой написал стихотворение «Призывнику Смородинову». По рекомендации Бориса Ручьева оно было опубликовано в магнитогорской газете.

Много с тех пор воды утекло... Биография писателя обогатилась драгоценным жизненным опытом. Судьба дарила ему интересные встречи с людьми в Харькове и Магнитке, во Владивостоке и Ленинграде, в Сухуми, в далекой Праге и на еще более далекой Чукотке. И везде приметливый глаз схватывал необычное и укладывал в тайники памяти.

Потом виденное, испытанное пригодилось в работе над повестями «Дорога в горы», вышедшей в Москве, «Жить и любить» — в Минске, «Мальчик на льдине» — во Владивостоке, для сборника «В походе и дома», где опубликованы стихи А. Лозневого, для романа «Эдельвейсы — не только цветы», вышедшего недавно в Южно-Уральском книжном издательстве, и для других произведений.

Его книга для детей «Чукотские сказки» получила особенно широкое признание. Она переведена на несколько языков народов СССР, дважды выходила в центральном издательстве «Детская литература», высоко оценена критикой в центральной печати, а всего выдержала уже восемь изданий. Общий тираж книг Александра Лозневого приближается к полутора миллионам экземпляров.

Широкую известность принесли Александру Никитовичу песни. Композиторы А. Флярковский, В. Оловников, Ю. Семеняко, А. Еременко создали около двух десятков песен на его стихи. А среди исполнителей песен — таг-те знаменитые коллективы, как Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии имени Александрова, Белорусский народный хор и другие.

В течение тридцати лет исполняются «Песня о Доваторе» и «Брестская крепость». Значит, по-настоящему полюбили их народу.

На пьедестале памятника легендарному герою Великой Отечественной войны генералу Доватору высечены слова из песни о нем Александра Лозневого:

Таким и остался в преданиях,
Таким и в народе живет.

Осмотр Брестской крепости начинается с музея. Экскурсантам показывают короткометражный фильм, который сопровождается песней «Брестская крепость»:

На ветер гуляет, не выюга,
бушует огонь и свинец
у плавней широкого Буга,
у тихой реки Муховец.
Не молнии там, не зарницы,
не грома весенний раскат.
В неразном бою на границе
товарищи насмерть стоят.

На грампластинки записаны «Песня о Гастелло», «Камышинка», песня о Магнитке — «Мы на войне в окопах не бывали» и «Дума о Карбышеве».

Тираж пластинок с песнями на слова А. Лозневого превышает миллион экземпляров.

Свое семидесятилетие Александр Никитович встречает бодрым бойцом в творческом писательском строю. Он работает над романом о первостроителях Магнитки, события в котором разворачиваются с рождения металлургического гиганта в степи.

В цехах предприятий Магнитогорска, в библиотеках, школах, профтехучилищах, в пионерских лагерях и на полевых станах во время уборки урожая — всюду выступает с лекциями писатель, ветеран войны. И для всякой аудитории найдется что рассказать бывалому воину, человеку с богатейшей биографией.

Старые раны, конечно же, напоминают о себе, и груз прожитых лет не дорожный чемодан, который можно и отставить в сторону, колы надоест. Но солдату не положено расслабляться. И шагает Александр Никитович в ногу с веком, в ногу с земляками-магнитогорцами, с товарищами по перу. Хочется пожелать ему новых творческих успехов, новых поисков и находок на богатейшей уральской земле, знаменитой не только рудами, но и прекрасными людьми.

Петр СМЫЧАГИН.

Александр ЛОЗНЕВОЙ

Рабочий город мой

Течет река издалика
И летом и зимой.
Над рекой,
Над синевой —
Рабочий город мой.
Весенний светлый город,
Ты так красив и молод,
Как я в расцвете лет,
Как этот яблоневый цвет.
Кипит и пенится река.
Волною в берег бьет.
А за рекой — подать рукой —
Судьба моя — завод.
Любовь моя и жизнь моя.
Мой уголок земной.
Строитель твой и житель
твой —

Я навсегда с тобой.
Весенний светлый город,
Ты так красив и молод,
Как я в расцвете лет,
Как этот яблоневый цвет.

Мать-Россия

Вечным снегом окутаны
взгорья,
Здесь кончается наша земля.
Предо мною Чукотское море,
А за мною — держава моя.
Я по тропке иду молчаливо,
Я солдатскую службу несусь.
Все спокойно в туманном
заливе,
Все в порядке на крайнем
мысу.
Мать-Россия, всегда я
с тобой,
Без тебя я прожить не могу.
Я тебя своим сердцем
прикрою,
Не отдам никакому врагу.

Под Обоянью

Вздыхая дула, надвигались
танки
На наши огневые рубежи.
Дымилась танков черные
останки
В polegшей курской

нашей русской ржи.
Тогда в боях под Обоянью,
Как лозунг, как приказ
прямой,
Мне первое партийное
задание —
Стоять и умереть на огневой.
Я вновь и вновь парторга
вспоминаю,
Как он сказал, вручая
партибилет:
— Мы, коммунисты, —
на переднем крае,
Другого места... нет.

Иду я по рощам зеленым,
Иду я по сжатым полям,
Привет мой березам
и кленам,
Привет голубым зеленым.
Иду я под солнечным светом,
Иду под сиянием звезд,
Дыханием утра согретый,
Увенчанный зернами рос.
И всюду, куда я ни гляну,
Мне дорого все неспроста:
И листья дубов-великанов,
И каждая жилка листа.
И горная крепость Урала,
И Черного моря прибой.
И все, что страна добывала,
Все славой полно трудовой.